

УДК 802/809-54

Н.Г. ПУЧКО

Минск, УО «МГЛУ»

СВЯЗЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЕДИНИЦ ЯЗЫКА С КОННОТАЦИЕЙ

В реализации языка в рамках художественного текста всегда участвуют оттенки или коннотации. Проблема коннотации не получила однозначного истолкования в лингвистической литературе. Стержень разногласий между исследователями кроется в том, где возникают коннотации – в системе или в речи. Многие лингвисты, характеризуя коннотации как «сопутствующие семантические и стилистические оттенки» содержания слова [1, с.203-204], или как «пучок ...информации, создающий экспрессивный эффект» [2, с.4], склонны считать её в принципе компонентом значения слова. Общая концепция семантики слова тогда объясняется так, что в ней совмещаются, с одной стороны, «информация, составляющая предмет сообщения, которой соответствует денотативное значение слова, называющее понятие»; с другой стороны, информация, которой «соответствует коннотация, куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения». Все эти четыре компонента коннотации «могут выступать вместе, в разных комбинациях, или какие-то из них отсутствовать» [3, с.105-106].

По приведённым определениям можно судить, что лингвистами признаётся наличие целого ряда разновидностей коннотативного компонента значения, «характеризующих то или иное отношение... к сообщаемому» [4, с.38-39]. Признаётся также «ошибочным утверждение о ... не системном, а только текстовом статусе коннотации» [5, с.27], при котором её связывают только с речью и трактуют в целом как «вторичную информацию, возникающую при функционировании единиц» [6, с.7]. В этой информации усматриваются эмоциональные и смысловые обертоны, не имеющие своих формальных показателей, своих «знаков», а образующиеся только имплицитно из «взаимодейственной совокупности слов» в речи [7, с.36]. Как видно, мысль о системно-языковом статусе коннотации отвергается („... die Konnotation ist keine besondere sprachliche Substanz, sondern man kann nur von konnotativer Verwendung des Sprachmaterials sprechen“ – Bochmann [6, с.27]).

В лингвистической литературе представлен и третий, как бы компромиссный, подход к коннотации, по которому надлежит различать

коннотацию ингерентную (внутренне присущую слову вне контекста) и коннотацию адгерентную (формируемую контекстом) [8, с.2], понимаемую в последнем случае как «часть значений слов, состоящих из сопредставлений, которые возникают у участников речевого общения в связи с созданием и воспроизведением высказываний» [9, с.85]. С учётом этого понимания коннотацию возможно считать не только речевым, но и лингвистическим явлением [10, с.81-84] как указанием на соотнесённость с системой языка того, что имеет место в процессе реализации. А через этот процесс коннотативное значение «могут получать все единицы, которые реализуют свои потенциальные возможности в благоприятном контексте» [6, с.30]. Как раз контекст является почвой для актуализации вокруг определённых денотативных значений потенциальных коннотаций: они возникают не из потенций слова, а под воздействием «контекста как определённым образом организованного целого...» [11, с.114]. Вне контекста слово способно лишь возбуждать «ассоциации, разнящиеся от индивида к индивиду» [там же]. Возможно даже, и на это внимание обратил в своё время А.В. Матезиус, что входящий в структуру значения, например, положительно окрашенный эмоциональный компонент под влиянием контекста изменяет свой регистр позитивности и превращается в обозначение противоположного регистра – отрицательности. В подобное нужное русло вторичный, ингерентный компонент значения направляется, следовательно, адгерентно – через влияние контекста. Когда говорится об ингерентной коннотации, то имеется в виду, что у единиц, например производных (отглагольных) типа основа + суф. –ei (Lauferei, Trinkerei, Hänselei) или Ge + основа + суф. –e (Gesinge, Gekritzel) она заложена в их семантике в виде дополнительных значений самой системой языка.

На базе всего сказанного коннотацию правомерно рассматривать как часть семантики слова, явно представленную уже в системе языка лишь в определённом пласте лексики, тогда как в полном своём проявлении она фиксируется только в речи/тексте. Фундаментом же для развития коннотации служит денотат [2, с.37], при том, что её возникновение происходит не на всём объёме денотативного значения, а на некоторых его звеньях – определённых признаковых свойствах объекта. По этому поводу в лингвистике не всё однозначно, существуют разногласия среди лингвистов, разные подходы. Так, с точки зрения широкого подхода к коннотации причисляются и эмоционально-оценочные компоненты, и сведения о социальных, функциональных, психологических факторах, сигналы условий коммуникативного акта [10, с.335]. Другой вариант широкого подхода состоит в том, что коннотативная информация должна классифицироваться на основе причин, её породивших, с выделением следующих групп коннотаций: ситуативно-психологические (коннотации

иронии, эвфемизма, мелиоративности, пейоративности, усиления), социально-лингвистические (коннотации жаргона, разговорности, книжности), региональные (коннотации диалекта), культурные (коннотации идеологии, культуры) и собственно языковые (коннотации новизны, иноязычности, архаичности, терминологичности и проч.)» [9, с.85]. При узком подходе под коннотацией понимаются только экспрессивно-эмоциональные нюансы (созначения), наслаивающиеся на объективный (логико-понятийный) стержень содержания и реализующиеся в виде неясных, неопределённых оттенков – „mitschwingende Obertöne“ [12, с.205]. Говорится, что на одну и ту же единицу речи одновременно могут наслаиваться несколько созначений, что, собственно, и объясняет относительную нечёткость, неопределённость коннотативного значения, имеющего ассоциативную природу [13, с.73]. В это логично вписывается и такое утверждение, что в целом коннотативные значения преимущественно связаны с информацией о мироощущениях человека – чувствах, настроениях, переживаниях, восприятиях, оценках.

Были также попытки различать качественную и количественную коннотации. Возникновение первой связывается с выделением из денотата и актуализацией соответствующей семы как основы формирования коннотации. Коннотативное и денотативное соотносятся друг с другом в этом случае по причинно-следственной связи, т.е. по принципу того, что каждая языковая единица может реализовать только те коннотативные значения, которые подготовлены её денотативным базисом. Вторая, или количественная, коннотация объясняется как нагнетание в виде скапливания особых акцентов на определённой или определённых семах денотата с целью пробуждения у реципиента желаемых, априори задаваемых ассоциаций. Разграничение обеих коннотаций фактически условно, поскольку при возникновении второго вида совершается нечто иное, как переход количества в качество.

Формирование коннотации находится во взаимообусловленности с механизмом актуализации, причём каждая единица проходит в тексте через двойную актуализацию: одну – на уровне формирования логико-понятийной информации по соотнесению с воспринимаемым миром (основной пласт текстовой информации) и вторую – на уровне её расширения за счёт соотнесения с внутренним мироощущением воспринимающего этот мир (дополнительный пласт информации). Благодаря слиянию обеих актуализаций в художественном тексте и создаётся та его особенность, что он – «способен нести дополнительную информацию без увеличения объёма сообщения, только за счёт особой смысловой и эмоциональной нагрузки составляющих его единиц» [14, с.54]. Фактически коннотации принадлежат к сфере имплицитной

семантики, вследствие чего их восприятие и объяснение возможно лишь на фоне текста (контекста).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 604 с.
2. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 142 с.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. для студентов институтов и факультетов иностр. языков. – Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 1973. – 302 с.
4. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж : ВГУ, 1985. – 169 с.
5. Шаховский В.И. Лексикография и коннотативная семантика // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж : ВГУ, 1983. – 183 с.
6. Вольперт Р.Х. Коннотативный уровень описания грамматики (на материале художественного текста немецкого языка). – Рига : Знание, 1979. – 154 с.
7. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя // Избр. ст. – Л., 1974. – 285 с.
8. Akhmanova O.S. Linguistics Theory and Method. – М., 1972. – Ch. 2.
9. Говердовский В.И. История понятия коннотации // Филологические науки. – 1979. – № 2. – 197 с.
10. Schippan Th. Einführung in die Semasiologie – VEB Bibliographisches Institut. – Leipzig, 1975. – S. 269.
11. Вайгла Э.А. О понятии эмоциональной лексики : сб. тр. по рус. и слав. филол. Серия XII, Лингвистика. – Вып. 219. – Тарту, 1968. – 179 с.
12. Riesel E. Der Subtext im Sprachkunstwerk // Sprachkunst, Stilistik und Sprachforschung. – Wien, 1980. – S. 251.
13. Говердовский В.И. Диалектика денотации и коннотации // Вопросы языкознания. – 1985. – № 2. – 133 с.
14. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 189 с.